

*Д. И. Мурзакаева**

Культура народов Русского Туркестана в работах В. В. Верещагина

В. В. Верещагин вошел в историю мировой культуры как непревзойденный писатель и публицист, а также как одаренный художник, наблюдательный путешественник, всю свою жизнь посвятивший сбору информации по страноведению и этнографии. Особое место в творчестве В. В. Верещагина занимает тема религиозности в повседневности и в массовой культуре народов стран Центральной Азии в период присоединения их территорий к Российской Империи. «В 1868 году, – пишет Верещагин, – я ездил по Туркестану, смотрел и рисовал» [1; 10]. Характерно, что каждую свою работу, даже небольшой эскиз, Верещагин сопровождал рассказом-пояснением, в котором высказывал свой взгляд на те или иные события. Но и без сопроводительного описания в его этюдах можно увидеть неповторимый колорит тех мест, в которых побывал художник. Будь то освещенная знойным солнцем кочевая дорога в Алатауских горах или поражающие воображение развалины мечети Биби-Ханым в Самарканде, закутанная в черное одеяние узбекская женщина или кокетливый подросток батча, богатый киргизский охотник с соколом или заключенный башкир в лохмотьях из Оренбургской тюрьмы, – все эти картины ошеломляют яркостью и живостью красок.

Остановившись в занятом русскими Самарканде, Верещагин принялся за изучение жизни и быта города: «Я ежедневно ездил в город и за город: осматривал мечети, базары, училища. Но особенно старые мечети, развалины, между которых уцелело ещё немало образцов. Материалов для рисования было столько, что буквально было трудно решиться, за что ранее приняться: природа, постройки, люди, костюмы, обычаи» [1; 13]. Верещагина поражало многообразие и смешение архитектурных стилей стран Азии, богатого наследия, «сохранившегося по воле Аллаха» ещё со времен Тамерлана. В путевых заметках он писал: «Самарканд – это город, где слились воедино религия и деспотичная власть, наука и поэтическая архитектура. <...> Предстоит знакомство с традициями

* *Джамия Илгизовна Мурзакаева* – студентка факультета гуманитарных и социальных наук Оренбургского государственного университета (г. Оренбург).

удивительных и плохо изученных исламских культур прошлого. Здесь все обращает на себя внимание: и причудливые дворцы, и мечети и базары» [2; 28]. Интересы Верещагина шли дальше экзотических достопримечательностей. Он посещал базары, чайханы, мечети, постоялые дворы, кропотливо фиксируя элементы окружающей жизни. «Мы застали в крае несколько государств и несколько национальностей, живших в постоянной вражде между собой. <...> Узбеки не любили сартов и таджиков, а киргизы не доверяли ни тем, ни другим, ни третьим. Кокандец ненавидел бухарца, и наоборот, и оба не жаловали хивинца, чем и тот усердно им отплачивал. И ни кто из них в критическую минуту не подал бы другому руку помощи. Теперь все это изменилось. Так мы невольно самим актом завоевания края сковали одну общую национальность, связанную религиозным фанатизмом и недоверием к завоевателям» [2; 50].

Интересовал Верещагина и ислам. В путевых записках «От Оренбурга до Ташкента» (1874) Верещагин пишет: «Люди здесь страшно бедные и жутко невежественные. Боятся и ненавидят русских. Придется потратить много сил, крови, выдержки и денег, чтобы хоть немного приручить аборигенов. И без крепких, хорошо вооруженных гарнизонов просто не обойтись. Об утверждении наших обычаев, а тем более православия и речи идти не может. Ислам здесь повсюду и навсегда. Иначе снова война, но уже не с эмирами, а с религиозным фанатизмом всего народа» [3; 175].

Результатом пребывания Верещагина в Туркестане стали картины, посвященные изображению жизни и быта местного населения: «Улица в деревне Ходжагенте» (1868), «Опиумеды», «Постоялый двор близ Ташкента» (1867), «Хор дервишей, просящих милостыню. Ташкент» (1870), «Продажа ребенка-невольника», «Батча», «Самаркандский зиндан» (1871).

О мусульманских священнослужителях Верещагин писал: «Самые ученые муллы обладают весьма ограниченными познаниями; наука их чисто условная, и состоит из чтения сур, и объяснения Корана и комментариев, написанных на эту священную книгу мусульманскими святыми. Чем более мулла знает наизусть из Корана, чем больше он читал и запомнил комментариев, тем его считают учнее. Это чисто дело терпения и памяти, наука, переходящая от отца к сыну через беспрепятственное повторение одного и того же» [2; 12]. Отмечается Верещагиным и то, что в стенах мяктабов шёл процесс усвоения учащимися лишь религиозно-духовных ценностей, культурных и этических норм, регламентированных исламом [4; 61].

В книге «На войне в Европе и в Азии» (1898) Верещагин приводит описание одной из тысяч опиумных лавок в Ташкенте: «Целая

компания опиумоедов сидела вдоль стен: все скорчились, как обезьяны, прижавшись один к другому... на лицах тупое выражение; полуоткрытые рты некоторых шевелятся, как будто шепчут что-то; многие, уткнувши голову в колени, тяжело дышат, изредка передергиваются судорогами. Близ базара есть множество конур, в которых живут диваны, опиумоеды, – это маленькие, темненькие, грязные, полные разного сору и насекомых каморки. В некоторых стряпается кукнар, и тогда каморка получает вид распивочной лавочки, постоянно имеющей посетителей» [2; 30]. Любопытно замечание художника о перспективах популярности опиума в самой России: «Едва ли можно сомневаться, что через более или менее продолжительное время, опиум войдет в употребление и в Европе; за табаком... опиум естественно и неизбежно стоит на очереди» [2; 30].

В Туркестанской серии картин раскрылась и ещё одна сторона таланта художника – умение показать гармонию и величие архитектурных сооружений: «У дверей мечети» (1873), «Евнух у дверей гарема» (1870), «Мавзоль Гур-Эмир. Самарканд» (1869–1870), «Дворец Тамерлана в Самарканде», «Мавзоль Шах-и-Зинда в Самарканде» (1869–1870), «Медресе Шир-Дор на площади Регистан в Самарканде» (1869–1870).

Верещагинские альбомы не потеряли своего научного интереса до сих пор, поскольку достаточно достоверно отражают различные стороны жизни народов Средней Азии после включения их в состав Российской империи.

Литература

1. Верещагин В. В. На войне в Азии и Европе. Воспоминания (1894). – М., 1898 – 397 с.
2. Верещагин В. В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М. : Сов. Россия, 1990. – 352 с.
3. Верещагин В. В. От Оренбурга до Ташкента. 1867–1868. Всемирный путешественник, 1874 // Гостинный Двор. – 1995. – № 2. – С. 174–180.
4. Саидбаев Т. С. Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М. : Наука, 1978. – 304 с.